

Глава 4. Жареная курица

Жун-гер собирался жениться на молодом мужчине, который совсем недавно добрался до деревни Дахэ, спасаясь от голода и скитаний.

К тому же тот мужчина собирался войти в его дом.

В нынешние времена жизнь по сравнению с прошлыми годами стала чуть спокойнее. Простому люду уже не приходилось так тяжело, и даже самые бедные семьи, стиснув зубы, могли женить сына.

Мужчина соглашался стать примаком лишь в одном случае: если вся его семья вымерла, и он остался один — без денег, без земли, без дома, беглец без корней и без будущего.

Когда новость разлетелась по деревне, те, кто ещё не видел Цзянь Цинъюя, загорались любопытством. А те, кто его видел, особенно семьи, где были девушки или геры на выданье, вздыхали и переговаривались с оттенком превосходства.

Ну и что, что красивый? Всё равно нищий, годный только в примаки.

Нашлись и любители позлословить. Один из таких специально явился к Цзянь Цяну и, ничуть не стесняясь, громко расхохотался:

— Видал? Ты столько времени таскался за этим гером, а он взял и нашёл себе красавчика в примаки! Эх, Цян-цзы... проиграл ты этой мордой своей!

Лицо Цзянь Цяна мгновенно позеленело.

С грохотом захлопнув дверь, он едва не прищемил болтуну нос.

Вернувшись в комнату, он рухнул внутрь с мертвенно-бледным и осунувшимся лицом. Под его глазами залегли тени от бессонницы. Лето стояло знойное, а на длинной шее у него была туго намотана полотняная повязка.

Побледнев, Цзянь Цян поднял руку и стянул ткань ниже, давая шее немного воздуха.

Поперёк шеи тянулся глубокий побелевший порез.

Прошло уже столько дней, а рана всё ещё оставалась страшно глубокой... даже корка толком не затянулась. Легко было представить, насколько сильно его тогда полоснули.

Он же одинокий холостяк! Откуда у него в доме взяться бронзовому зеркалу, которым обычно пользовались только геры и девушки? Но даже не видя своей шеи, он всё равно чувствовал непрекращающуюся боль, поэтому в памяти снова и снова всплывал тот день и холодный, безжалостный взгляд стоявшего на берегу гера.

— Не приближайся ко мне. Не трогай моего отца. И никому не рассказывай о том, что произошло сегодня.

— Если из-за тебя нас с отцом начнут травить в деревне... или попытаются выгнать...

— Тогда этот тесак уже не просто слегка распорет тебе кожу.

— Я сразу перерублю тебе кости.

— Не веришь? Можешь проверить.

Прекрасный гер говорил это, будто злой дух у самого уха.

И ужас близкой смерти ещё долго не отпускал.

Все эти дни Цзянь Цян жил как пуганая птица. Лишь однажды он виделся с Да Нью и Да Люем, которые в тот день тоже едва не лишились души от страха, да перекинулся с ними парой слов-наставлений. После этого он даже носа за дверь не высовывал.

Жара стояла невыносимая. Скрытая под тканью рана постоянно прела, хоть он и мазал её лекарством, заживала она медленно и болела так, что терпеть было трудно.

С землистым лицом и смертельной усталостью Цзянь Цян снова повалился на кровать.

Кто бы мог подумать, что тот, кого он считал мягкой хурмой, которую легко смять в руке, окажется гнилым ледяным арбузом.

Стукнешь раз — ничего.

Второй — тоже.

А ударишь чуть сильнее...

И он с грохотом взорвётся.

Так, что потом болит всё тело.

У подножия задней горы деревни.

Цзянь Цинъюй спускался с горы, неся в руках двух фазанов и дикого зайца. Ещё издалека он заметил человека, сидевшего у ворот его двора.

Только подойдя вплотную к сидящему с опущенной головой человеку, он остановился и сверху вниз спросил:

— Чего тебе?

Услышав голос, Линь Жун поднял голову. Взгляд его первым делом упал на добычу в руках Цзянь Цинъюя, и на лице мелькнуло удивление.

— Ты умеешь охотиться?

На губах Цзянь Цинъюя появилась полуулыбка.

— Я охотник. Если бы не умел охотиться, то что бы тогда умел?

Линь Жун и представить не мог, что мужчина, которого он выбрал почти наугад, окажется охотником.

— Я не знал.

Цзянь Цинъюй прошёл мимо него во двор и небрежно швырнул фазанов и зайца в густую траву. Оттуда сразу донеслось испуганное:

— Ко-ко-ко!

Обращался он с добычей грубо, без малейшей жалости.

Линь Жун остался стоять у ворот и, повысив голос, спросил через распахнутую калитку:

— После свадьбы ведь нужно жить вместе. Мы будем жить у тебя или у меня?

В голосе Цзянь Цинъюя не было и намёка на возможность обсуждения:

— Разумеется, у меня.

Двор перед ним выглядел именно так, как Линь Жун и ожидал: полуразвалившийся, запущенный, весь заросший бурьяном.

— Хорошо.

Дом семьи Линь находился на другом конце деревни. До деревенского въезда оттуда было даже ближе, чем до дома Цзянь Цинъюя.

Сейчас было время шэнь — около трёх часов дня. За весь день Цзянь Цинъюй успел съесть лишь две пресные лепёшки из белой муки и теперь был голоден настолько, что настроение у него окончательно испортилось. Больше не обращая внимания на стоявшего снаружи Линь Жуна, он подошёл к единственной целой вещи во дворе — большому чану. Он зачерпнул воды, прямо во дворе вскипятил её и принялся разделывать фазана.

Спустил кровь, ошпарил тушку кипятком, выщипал перья, вспорол брюхо, промыл ковшом воды...

и вскоре перед ним лежала чисто разделанная курица.

Только вот весь двор уже пропитался тяжёлым запахом крови и внутренностей.

С мрачным лицом Цзянь Цинъюй небрежно бросил тушку в другую кучу травы и собрался избавиться от источника вони.

Позади раздался голос Линь Жуна:

— Потроха ведь тоже можно есть.

Куриные, утиные, свиные внутренности — всё это считалось съедобным. Просто запах у требухи был слишком сильный: без большого количества приправ, соусов и уксуса такое в рот не возьмёшь. Потому люди редко ели подобное.

Мыть долго, воды уходит много, а чтобы приготовить как следует ещё и дров с маслом не напасёшься.

Цзянь Цинъюй обернулся к всё ещё стоявшему у ворот геру. На лице его читалось раздражение человека, которого отвлекли посреди дела.

А ещё он вдруг подумал, что теперь так будет всегда: что бы он ни делал, рядом постоянно окажется кто-то, кто станет смотреть и указывать.

От этой мысли выражение его лица стало ещё мрачнее. Сейчас он уже начал сожалеть, что

тогда сгоряча согласился.

— Мы ещё даже жить вместе не начали, а ты уже пытаешься мной командовать?

— Даже если я все потроха выброшу, тебя это вообще не касается.

Холодно бросил Цзянь Цинъюй.

Но Линь Жун ничуть не обиделся. Эти слова даже нельзя было назвать особенно колкими. Ему доводилось слышать вещи куда хуже.

— Я просто напомнил.

— Выбросишь — я подберу.

О том, как он собирается воспользоваться чужой «добычей», гер говорил совершенно спокойно и без тени смущения.

Рука Цзянь Цинъюя на миг замерла.

— ...

Увидев, как Линь Жун неотрывно смотрит на то, что он держит в руках, Цзянь Цинъюй вдруг усмехнулся.

Так широко он не улыбался ещё ни разу.

Его длинные белые пальцы сжимали окровавленные внутренности. Кровь стекала по чётко очерченным суставам. Потом его пальцы разжались.

С шипящим звуком потроха полетели прямо в огонь.

— Пфш-ш—

Глядя на застывшего гера, Цзянь Цинъюй равнодушно произнёс:

— Такую вонь только огнём и можно выжечь дочиستا.

Линь Жун посмотрел на то, что уже исчезало в пламени, и в его глазах мелькнуло сожаление.

— Нам с отцом понадобится где-то пять дней, чтобы собрать вещи и переехать, — бросил он и уже собирался уходить.

— Стоять.

Линь Жун непонимающе обернулся.

Цзянь Цинъюй с брезгливостью стряхнул с рук кровь и кивком указал на лежавших в траве вялых фазанов и зайца.

— Забирай.

Линь Жун замер.

Опустив голову, он молча смотрел на добычу. Пряди волос у висков мягко соскользнули вниз и

закачались у щёк.

А Цзянь Цинъюй тем временем уселся прямо на траву и с лёгкой головной болью уставился на уже разделанную курицу.

С тех пор как он оказался здесь, нормально поесть ему удавалось только в городе. Обычно же, кроме сваренного риса, он не ел ничего похожего на нормальную еду.

То мясо оставалось полусырым, то превращалось в обугленный кусок.

Обычно, спускаясь с горы, он приносил домой лишь одного зайца или одного фазана. Сегодняшняя лишняя добыча была чистой случайностью.

А выбрасывать еду Цзянь Цинъюй не любил.

Он покосился на всё ещё стоявшего в растерянности гера.

Лоб у того был гладкий, без единой выбившейся пряди, а большие персиковые глаза, распахнувшиеся от удивления, почему-то вдруг показались ему забавно-милыми.

Взгляд Цзянь Цинъюя медленно скользнул по этим глазам, и в его тёмных зрачках что-то дрогнуло.

— Если не пойдёшь, то тогда оставайся и зажарь мне курицу.

Спустя мгновение послышались шаги.

Над Цзянь Цинъюем упала длинная тонкая тень.

Он поднял голову, чуть приподняв бровь.

Линь Жун двигался быстро и ловко. Сразу было видно человека, привыкшего к тяжёлой работе. Насадив уже разделанную курицу на деревянный прут, он установил её над огнём.

Подперев щеку рукой, Цзянь Цинъюй лениво наблюдал за ним. Даже в такой расслабленной позе его слегка смятое о ладонь лицо ничуть не теряло своей красоты.

— Вкусно хоть получится? — равнодушно спросил он.

Линь Жун честно ответил:

— Никогда не жарил.

Для крестьян курица была драгоценной едой. Даже старую или уже не несущуюся птицу обычно не ели — её несли продавать в город, чтобы заработать хоть несколько медяков. Куриное мясо появлялось на столе разве что по праздникам или когда в доме женщина либо муж-гер сидели после родов. Да и то мелко нарезанными кусочками...

Никто не позволял себе зажарить целую курицу.

Услышав ответ, Цзянь Цинъюй не разочаровался.

Пламя яростно ревело. Жаркие языки огня всё время лизали кожу, делая и без того нестерпимую духоту ещё тяжелее.

Линь Жун сосредоточенно следил за курицей. На его острый худой подбородок стекали капли пота, дрожь и готовые сорваться вниз.

Раз уж нашёлся человек, готовый возиться с едой, Цзянь Цинъюй без колебаний улёгся прямо на траву и задремал.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда сквозь сон до него донёсся чистый мужской голос.

Цзянь Цинъюй открыл глаза. Взгляд его был совершенно ясным.

— Что?

Линь Жун указал на кухоньку и тихо спросил:

— У тебя есть масло и соль?

Цзянь Цинъюй снова закрыл глаза.

— Сам найди.

Рядом послышался тихий шелест одежды. Похоже, Линь Жун поднялся с места.

Во второй раз Цзянь Цинъюй проснулся уже от запаха жареного мяса.

Перед ним появилась румяная курица — золотистая, блестящая от жира, такая ароматная, что от одного вида просыпался аппетит.

Цзянь Цинъюй посмотрел на стоявшего перед ним гера. Тот был спокоен и молчалив, а его щёки влажно блестели от пота.

Он протянул руку и взял курицу.

И в тот миг, когда первый кусочек разорванного на полоски мяса коснулся языка — все сомнения и сожаления, что ещё недавно крутились у него в голове, исчезли без следа.

Перед ним был только густой аромат жареной курицы и хрустящая, обжигаяще вкусная корочка.

— ...

Высокий длинноногий юноша сидел прямо на земле, скрестив ноги. Густые, мешающиеся волосы были высоко собраны наверх. Держался он изящно и спокойно, вот только ел с такой скоростью, что глаз не поспевал.

Не такая уж маленькая жареная курица в одно мгновение превратилась в голый костяк.

Словно человек сто лет мяса не видел.

Линь Жун тихо сидел рядом и наблюдал. Хотя живот у него уже урчал от голода, на его лице не появилось ни малейшего выражения жадности.

Не твоё — сколько ни смотри, пользы не будет.

Швырнув дочиста обглоданные кости в почти погасший костёр, Цзянь Цинъюй поднял голову.

Впервые в его отношении к людям не было прежней холодной колкости — перемена вышла почти пугающей.

— Оставь зайца.

На лице Линь Жун на миг мелькнуло разочарование и тут же исчезло.

— Хорошо.

Цзянь Цинъюй продолжил, будто не замечая этого:

— Завтра вы с отцом переезжаете ко мне.

Завтра?

— ...Слишком быстро, — после короткого молчания тихо произнёс Линь Жун. — Мы не успеем всё собрать.

Вспоминая всё ещё остававшийся на языке вкус жареного мяса, Цзянь Цинъюй неожиданно мягко сказал:

— Я помогу.

Раз кормит — значит свой.

А тот, кто способен обеспечить нормальную еду, и вовсе почти предок-благодетель.

Чем раньше этот гер переедет, тем раньше он снова начнёт есть нормальную пищу.

Линь Жун молча согласился.

Сильный взрослый мужчина действительно ускорял любую работу.

Это тоже было одной из причин, почему Линь Жун решился выйти за него после одной-единственной встречи.

Ну... и ещё потому, что внешность Цзянь Цинъюя была слишком поразительной.

Подумав об этом, Линь Жун украдкой скользнул взглядом по его лицу, уверенный, что делает это незаметно.

Цзянь Цинъюй, редкостно сытый и довольный, лишь прикрыл глаза, делая вид, что ничего не заметил.

Перед уходом Линь Жун обернулся:

— Раз ты так хочешь, чтобы я поскорее переехал, то хотя бы освободи место для жилья.

— Или ты собираешься... жить со мной в одной комнате?

Глядя вслед удаляющемуся силуэту, Цзянь Цинъюй приподнял бровь, а потом оглянулся на

свой полуразвалившийся дом.

Пожалуй, действительно стоило привести в порядок хотя бы две комнаты.

Пустить двух чужих людей на свою территорию — это уже был предел того, что он мог вытерпеть.

Жить ещё и в одной комнате?

Ни за что!

У подножия задней горы, где обычно стояла тишина, вдруг начали постоянно раздаваться какие-то звуки.

Дом семьи Линь стоял на отшибе, и жители деревни Дахэ заметили, что он опустел, только спустя довольно долгое время.

Не было ни свахи, шумно приходящей с предложением, ни выкупа с подарками, ни даже простого свадебного застолья.

Но благодаря тому, как староста Цзянь Дафан то нарочно, то будто невзначай направлял разговоры в нужную сторону, деревенские решили лишь, что обе семьи бедны до крайности — до того, что в доме пустой котёл.

А всякие пересуды о непристойной связи, нарушении правил и «нечистой» свадьбе люди шептали только украдкой.

Куда больше всех занимало другое.

Раз уж говорили, что мужчина входит в дом жены, почему тогда именно Жун-гер с отцом переехали к нему?

Но ни отца с сыном из семьи Линь, ни пришлого мужчину по фамилии Цзянь в деревне почти никто не видел. О них говорили куда чаще, чем встречали вживую.

Так что даже самые любопытные не могли найти никого, кого можно было бы расспросить.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17612/1638533>